

Сергей Летов: Егор жил на форсаже

Опубликовано ср, 27/02/2008 - 09:28 пользователем NEWSmuz.com

Он приезжал в столицы из своего Омска и оглушал слушателей, вываливая на их головы очередную порцию новых песен. Иногда они казались сырыми. Словно он только вчера их сочинил, а уже сегодня пропел-проорал. Его ругали за плодовитость, идущую в ущерб качеству, чрезмерную мрачность, агрессивность. Но каждый, кто давал себе труд продрагаться сквозь часто гаражный звук, мат и белый стих, понимал — это поэт. Со своим, не похожим ни на чей голосом, своим болезненным и гениальным внутренним миром. Этот мир можно было не любить, но нельзя было не иметь в виду. Всегда особое мнение Летова — один из китов, на которых стоял русский рок.

19 февраля Егора Летова не стало. О его смерти понаписали больше, чем было написано о его жизни. Нас же интересовало не как он умер, а как жил. На следующий день после похорон на вопросы “МК” ответил человек, знавший Егора лучше всех, — его родной брат, знаменитый саксофонист Сергей Летов.

— Вы ходили на концерты “Гражданской обороны”?

— Если учесть, что я 5 или 6 лет играл в группе, то мне приходилось присутствовать...

— Нет, а в качестве зрителя?

— Никогда. Музыка — моя профессия. Как зритель ни на одном рок-концерте я не был с начала 80-х.

— Вы — музыкант-виртуоз, а “ГО” упрекали за то, что все их песни — на трех аккордах. Как вы оцениваете музыку брата?

— У меня очень критическое отношение вообще к российской рок-музыке. У нас все традиционно ориентировано на слово. Музыка воспринимается как аккомпанемент. Весь наш рок — это, можно сказать, утяжеленная авторская песня. Но к творчеству Игоря я отношусь очень позитивно.

— Для вас он тоже больше поэт, нежели музыкант?

— Трудно разделить. На мой взгляд, он еще и выдающийся перформер. Тут синкретическое единство — композитор, поэт, исполнитель. Лично мне его акустика кажется интересней, чем то, что делала группа. Егор ведь нот не знал. По крайней мере, до 2003 года это было так. Тем не менее у него полно оригинальных вещей, которые он сам придумал. Когда я с одной из московских групп записывал песню для трибьюта “Гражданской обороны”, неожиданно оказалось, что очень трудно скопировать его музыку, если не упрощать. У него много неожиданных аккордов, много неквадратности.

— Вы играете элитарную музыку. Популярности брата не завидовали?

— Нет. Я прекрасно понимаю, что моя музыка не может быть популярна. Русские музыку не понимают. У нас главное — песня. А для меня песня —

это не совсем музыка. Но у меня всегда была гордость за брата, и сейчас она есть. Я горжусь, что он нашел свой путь. Мы очень много спорили на эту тему. Он говорил: “Как ты можешь играть в театре на 45 мест? Я бы никогда не стал”. Егор считал, что все хорошее обязательно популярно, а к элитарному относился скептически. Я с этим резко не согласен, но переспорить его невозможно. Его талант был ориентирован именно так.

— Вы много сотрудничали и с рокерами.

— Для меня игра с рок-группами — это эксперимент, возможность попробовать высокую энергию. Но на высоких энергиях невозможны какие-то тонкие вещи. В “ГО” я оказался, потому что мне хотелось помочь брату. Прошел определенный период, и я ушел. Сейчас играю очень много. Мы разговариваем в Омске, а послезавтра у меня два концерта в Лондоне.

— Чем еще брат отличался от вас?

— Мы очень разные люди. Я легко вписываюсь в любые проекты, но своими проектами, где за все надо отвечать от начала до конца, занимаюсь неохотно. Он — наоборот. Если он в чужих проектах и участвовал, то только в самом начале. Когда с Янкой, например, играл. Потом он занимался исключительно реализацией собственных замыслов. Под которые специально подбирал музыкантов. Это что касается разного отношения к творчеству.

— А к жизни?

— Мне разные вещи нравятся: читаю лекции, пишу эссе о культурной жизни, увлекаюсь кино, поэзией. У него — полная концентрация на сочинении и записи песен. Конечно, Егор был весьма эрудированным человеком, у него осталась огромная библиотека. А фонотека просто гигантская: от винила до CD. Он все это слушал, анализировал, прекрасно разбирался в музыке.

— Насколько вы были близки, ведь долгое время жили в разных городах?

— Мы постоянно переписывались. Был период, когда от него приходило несколько писем в неделю.

— Бумажных?

— Да. Мне он не написал ни одного и-мэйла. Он долго отвергал Интернет как таковой, говорил, что компьютер — от дьявола. В том числе не принимал и всю цифровую технику. На протяжении нескольких лет он отсылал мне свои записи на катушках, а я их в Москве оцифровывал. Так продолжалось до 2003 года. Потом я начал их с Наташей (Наталья Чумакова — жена Егора Летова, участница “Гражданской обороны”. — Прим. С.Ф.) обучать компьютерным вещам. После чего альбомы стали записываться с привлечением современных систем обработки звука. Группа вышла на новый для себя технологический уровень.

— Вы знали брата, наверное, лучше всех. Каким он был?

— Он довольно скрытный, склонный к одиночеству. У него интимный внутренний мир был очень велик. Это почти цитата из поэмы “Москва — Петушки”. Ерофеев пишет про Веничку, что он бесконечно расширил сферу интимного. Вот так же и Егор. С юности он любил гулять один по лесу. Сочинял верлибры и делал самиздатовские книжки. Потом приезжал

ко мне в Москву и показывал их. Музыкай тогда еще и не пахло.

— А когда запахло?

— В 1982 году мы организовали “Оркестр нелегкой музыки”, брат играл на ударных, я — на духовых. Потом от Андрея Тропилло я узнал, что Рикшан в Питере продает свою бас-гитару за 100 рублей. Сказал об этом Егору, и он поехал ее покупать. Это была его первая поездка в Питер. В “Поп-механике” Сергея Курехина Егор играл уже на басу. Брат жил у меня, учился в ПТУ. Но эта учеба была для него лишь основанием, чтобы жить в Москве. Неудивительно, что вскоре его выгнали за непосещаемость. И он вернулся домой.

— Обиделся на столицу?

— Не то что обиделся. Просто к тому времени он уже решил, видимо, играть совсем другую музыку. А я как старший брат его, наверное, подавлял. Он решил освободиться от влияния. С 1984-го по 1998-й мы вместе ничего не делали. В 1996-м умер Курехин, и я очень тяжело это переживал. Примерно в то время у нас с братом снова началось сближение. Я хотел позвать его в свой проект, читать стихи. А он предложил мне поиграть с ним. Так я оказался в “Гражданской обороне”.

— Он был таким же жестким, как его песни?

— Он был разным. Жесткости в нем было много. Особенно она распространялась на людей “извне”. В семье, мне кажется, он был мягким. Думаю, к Наташе он относился с нежностью. По своему характеру он обязательно должен был быть лидером, центром внимания. Если человек ему интересен, он охотно общался, но в этом общении он был не партнер, а начальник. Если человек неинтересен — начиналась жесткость. Я часто видел его раздраженным. У нас это фамильная черта. Мама у нас из рода казаков Мартемьяновых, и Егор, видимо, пошел по этой линии. Существует семейная легенда, что мамин отец был настолько лютой и вспыльчивый, что казаки его за эту лютость задушили.

— Почему Егор жил в Омске, не переезжал в Москву, где возможностей было бы больше?

— Я его страшно пытался переманить, приводил массу аргументов. Но для него были важны такие вещи, как уединение и общение с природой. Он и в Омске-то вел жизнь почти затворника. Когда Егор родился, мы жили в центре города, в офицерском бараке, в котором раньше была конюшня Колчака. Через год мы переехали на окраину Омска, в поселок Чкаловский. И там Егор прожил всю свою жизнь... В новую квартиру они с Наташей переехали буквально за три дня до Нового года. Так что в ней он и не пожил...

Он был очень привязан к воспоминаниям. Часто ходил на могилу матери. Причем всегда один. Мы ходили вместе с отцом, а он только в одиночку. За все время мы лишь однажды были с ним на могиле матери вместе. А так в Чкаловском есть березовая роща, и вот он в ней и гулял. Большие города, тусовки его тяготили.

— Есть ли в Омске место, про которое можно сказать: отсюда начиналась “Гражданская оборона”?

— “ГО” начиналась в нашей квартире. Большая часть записей сделана там.

Одно время не было барабана, и вместо него они использовали старый школьный портфель... Соседи были в ужасе, но постепенно Егор всех приучил. Концертов в Омске не давали. Больше выступали в Новосибирске, Тюмени...

— Он был богатым человеком?

— Всю жизнь прожил в хрущевке, в родительской квартире, никакого личного имущества не было, машины никогда не было. Новую квартиру в центре Омска они и то не купили, а поменяли на Наташину в Новосибирске.

— Я вот почему спросил. Записей “ГО” разошлось столько, что в цивилизованном государстве он наверняка бы стал миллионером. А у нас, видимо, все распространялось пиратами?..

— К пиратству он относился негативно, но личное богатство его не интересовало. Брат был абсолютно неприхотлив. Одевался в копеечную одежду — майка, джинсы, кеды. Новые вещи не любил. В квартире все полки сделал своими руками из каких-то бросовых дощечек. Но все они оригинально перепилены, очень красиво все сделано. При этом он был хорошим администратором: умел читать контракты, мог добиться выплаты неустойки, если концерт срывался. Я ему в этом плане завидовал. И учился у него. Для меня загадка, где он сам всему этому научился. Ведь у нас было очень счастливое детство, ни о каких подобных вещах мы даже не задумывались.

— Такая щепетильность, наверное, оттого, что даже в звездные времена концертов “ГО” было не много.

— Да, гастроли служили в основном для того, чтобы заработать денег на запись нового альбома. Обязательно всегда были выступления в Москве и Питере — они оплачивали дорогу. Потом ехали по небольшим городам. Директора группы Сергея Попкова я считаю гениальным организатором. Это он все продумывал и устраивал. На обратном пути в Москве закупились огромные сумки книг, пластинок, кассет. И здесь, в Омске, это все потом переваривалось.

— Его расстраивало, что “ГО” не показывают по телевизору?

— Это был сознательный выбор — отказ от общения с прессой. Может, когда-то его обидели. Может, не хотел, чтобы его перевирали. Или, как человек увлекающийся, боялся, что наговорит лишнего, а потом его слова выдернут из контекста и подадут как-то не так. Особенно телевидение у него вызывало ярость. Он не хотел, чтобы его показывали. Я так уверенно об этом говорю, потому что мы эти вещи много раз обсуждали.

— А кто он все-таки был по политическим взглядам?

— Взгляды менялись очень сильно и часто. “Убей в себе государство” — это анархический период, 1980-е годы. В 1993 году он стоял у Белого дома. Когда 4 октября стали передавать, что есть жертвы, я испугался. Но получилось так. Бабушки, которые там находились, стали на них наезжать: волосатики, что вы здесь забыли, убирайтесь. Они обиделись и ушли. А на следующий день произошел штурм. Но Егор был уже в Омске.

Он легко загорался новыми идеями, а потом понимал, что это не то. Брат был одним из основателей НБП. У него партбилет то ли первый, то ли

второй. Но он быстро отошел и от Лимонова.

В последнее время Игорь говорил, что власть и оппозиция — это две стороны одной медали. И те, и другие играют роли. Одни — оппозиция — положительных героев, которые борются за народ, а другие — отрицательных.

— В Интернете прочитал: на могиле атеиста Летова установили православный крест.

— Крест — это недоразумение. Мы тоже все удивились, когда увидели. Просто в наряд-заказ на ритуальные услуги, кроме всего прочего, входил пункт об установке креста. На него не обратили внимания. Сережа Попков, который занимался организацией похорон, подписал все как есть. Не до того всем было.

— А разве Егор был атеистом? Он пел: “Не бывает атеистов в окопах под огнем”. Мне кажется, себя он всегда так и ощущал — “в окопах под огнем”...

— Скорее он был агностиком. Ни к какой конфессии Егор не принадлежал. Никогда против РПЦ он ничего не говорил, но и за — тоже. Он был вне этого всего.

— Вы беседовали о смысле жизни? В чем он его видел? О чем мечтал?

— Егор был большой любитель таких многочасовых бесед. Кипятился, иногда чуть ли не до драки доходило. Ему было интересно спорить со мной. Потому что в группе он никому не позволял иметь своих взглядов, а мне как старшему брату это дозволялось. Его “я” стало проявляться года с 1987-го. Он еще не спорил, но уже было видно, что часто со мной не соглашается.

Егор обладал большой личностно-эмоциональной силой. Думаю, он смог бы проявить себя не только в музыке. С 3 лет он рисовал и вполне мог бы стать художником. Но в 80-е годы, когда происходило его становление и делался выбор, общество требовало рок-музыки. Именно эта форма творчества оказалась востребована. И он ее подхватил. Много раз брат говорил, что мечтает снять кино. Ему очень нравились Рената Литвинова и Кира Муратова. Муратову он считал образцом режиссера.

— После смерти появились сообщения, что у Егора были уже инфаркты.

— Инфарктов не было. Говорят, была остановка сердца этим летом. Но его откачали искусственным дыханием и массажем сердца. Он очень больным был в детстве, постоянно болел, простывал. Кроме того, у него была недостаточность поджелудочной железы. Он перенес в детстве 14 клинических смертей. Смерть для него не была чем-то далеким и страшным. Смерть — это что-то родное, близкое, не раз пережитое. Он и от армии поэтому был комиссован вчистую. Без всяких дурок, без каких-либо специальных стараний. Это была жизнь на грани жизни и смерти. Человек жил на форсаже. Хотя по виду никогда не скажешь — высокий, сильный.

— После смерти брата какая-то его строчка крутится у вас в голове?

— Нет, ничего не крутится, в голове сейчас одно смятение. Всегда нас было двое... Спорили, ссорились, сходились, расходились... Я сейчас приехал и обнаружил в его комнате на стенах 5 моих фотографий. Он сам их переснял из каких-то газет, увеличил и развесил среди фотографий “Битлз”,

“Роллинг Стоунз”, “Дорз”, обложек альбомов “ГО”...

— Значит, он вами тоже гордился.

— Наверное. Я еще не все осознал. Сейчас главная задача — отца сохранить, у него 6 инфарктов было. Он теперь один тут остается. Буду звонить ему каждый день.